

Павел Евгеньевич Фокин*

*кандидат филологических наук,
Государственный литературный музей,
ведущий научный сотрудник
(Москва, Российская Федерация)
pfokin@mail.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.2

«БРАТА МОЕГО Я ЛЮБИЛ БЕСКОНЕЧНО»

**Выставка Государственного литературного музея
к 150-летию со дня смерти М. М. Достоевского
в «Музее-квартире Ф. М. Достоевского».
(Москва, ул. Достоевского, д. 2).
25 сентября — 25 декабря 2014 г.**

Аннотация: Литературное наследие Михаила Михайловича Достоевского (1820–1864) невелико и представляет интерес только для специалистов. Гораздо значимее для русской и мировой культуры его личность — он был братом (почти ровесником), другом и единомышленником гения. Отношения с ним были для Ф. М. Достоевского важным элементом его биографии и духовной личности. Михаил был первым и долгие годы единственным собеседником Ф. М. Достоевского. Не менее значима его роль как адресата писем Ф. М. Достоевского. В брате Михаиле Достоевский видел не только друга, но и делового партнёра. Наиболее успешным литературным предприятием братьев стало издание журнала «Время» (1861–1863), инициатором и владельцем которого стал М. М. Достоевский. После смерти М. М. Достоевского его семья стала предметом постоянной заботы Ф. М. Достоевского, что оказывало прямое и косвенное влияние на образ жизни писателя. В 2014 году исполнилось 150 лет со дня смерти М. М. Достоевского. В связи с этой датой Государственный литературный музей в «Музее-квартире Ф. М. Достоевского» подготовил выставку «Брата моего я любил бесконечно...». Это первая выставка, посвящённая личности и наследию М. М. Достоевского. Многие представленные экспонаты ранее никогда не демонстрировались.

Ключевые слова: М. М. Достоевский, брат, собеседник, адресат, деловой партнёр, Государственный литературный музей, выставка.

В сравнении с творческим наследием Ф. М. Достоевского вклад его старшего брата Михаила Михайловича Достоевского (1820–1864) в русскую (не говоря уж о мировой) литературу как писателя практически ничтожен.

Его беллетристика, поэзия, драматургия, критика целиком остались в своём времени и представляют интерес исключительно и только для узких специалистов по истории русской литературы 1840-1850-х годов да ещё биографов Ф. М. Достоевского.

Зато роль личности Михаила Достоевского, её значимость и важность для мировой культуры по-настоящему до сих пор не оценена и не осмыслена. Его деликатная натура даже для специалистов по-прежнему остаётся в тени его великого брата, столь им любимого и столь любившего его. Чуть больший след оставила его переводческая деятельность. Созданные им переводы произведений Гёте, Шиллера, Гюго неоднократно переиздавались и были востребованы читателями и театром.

«Ежели бы знал ты, как необходимо для нас быть вместе, милый друг! — писал Ф. М. Достоевский брату 19 июля 1840 г. — Целые годы протекли со времени нашей разлуки. Клочок бумаги, пересылаемый мною из месяца в месяц — вот была вся связь наша; между тем время текло, время наводило и тучи и ведро на нас, и всё это протекло для нас в тяжком, грустном одиночестве; ах! ежели бы ты знал, как я одичал здесь, милый, добрый друг мой! любить тебя это для меня вполне потребность. Я совершенно свободен, не завишу ни от кого; но наша связь так крепка, мой милый, что я, кажется, сросся с кем-то жизнью» (281, 76)1.

Судьбой определено было Михаилу Достоевскому быть братом гения. Но не просто братом — у Достоевского, как известно, были ещё братья и сёстры, — но единомышленником и другом. Редкое сочетание. Достоевскому невероятно повезло. Братьев объединял не только возраст — они были почти ровесники, погодки, — но и сходные интересы. У них был общий строй души. Они были влюблены в литературу, страстно читали и страстно сами мечтали творить. Они жили в творческом союзе.

Михаил был первым и долгие годы единственным собеседником Достоевского. В их разговорах, совместных размышлениях, спорах формировалась личность писателя. Судя по запечатлённым в письмах раннего Достоевского фрагментам их полемики, у Михаила был свой ум и оригинальные представления о литературе, которые вызывали у его брата живую и эмоциональную реакцию (достаточно вспомнить «распеканцию», которую устроил он Михаилу по поводу Расина и Корнеля в письме от 1 января 1840 г.). Они не были во всём согласны друг с другом. Они были разные.

Но они слушали друг друга, старались слышать, убеждали и доказывали. Возможно, диалогический тип художественного высказывания в произведениях Достоевского, сам тип диалогического мышления выработался, в том числе, и в личном опыте его общения с братом, в многолетней практике интеллектуального спарринга.

Не менее значима, а для нас, возможно, ещё более ценна роль Михаила Достоевского как адресата писем. Только ему молодой Достоевский писал так откровенно, с таким душевным подъёмом и таким сосредоточением. Из них мы узнаём не только биографические подробности и жизненные обстоятельства Достоевского тех лет, не только круг его интересов и общения, не только творческие планы и замыслы (что само по себе бесценно!) — нам открывается личность Достоевского, её духовная и эмоциональная стороны. Достоевский не вёл дневника, и если бы не эти письма, мы бы навсегда были лишены возможности узнать душу юного гения.

Именно в письмах к Михаилу Достоевский формулирует важнейшие для него идейные и эстетические принципы, своё жизненное кредо.

Ему пишет Достоевский: «Познать природу, душу, бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом. <...> Проводник мысли сквозь брентную оболочку в состав души есть ум. Ум — способность материальная... душа же, или дух, живёт мыслию, которую нашептывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина, движимая огнем душевным... <...> Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа... Заметь, что поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога, след<овательно>, исполняет назначение философии. След<овательно>, поэтический восторг есть восторг философии... След<овательно>, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!» (31 октября 1838 г.; 281, 53, 54).

Михаилу адресовано письмо со ставшими хрестоматийными словами: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (16 августа 1839 г.; 281, 63).

Брату поведаёт Достоевский о тех великих минутах своей жизни, когда он стоял на Семёновском плацу в ожидании скорого расстрела 22 декабря 1849 г. Это письмо бесценно тем, что написано спустя буквально час-другой после событий, это почти репортаж о «воскресении Лазаря» в режиме он-лайн: «Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да правда! та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая сознала и свыклась с возвышенными потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвляют меня,

правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь! *On voit le soleil!* (Видишь солнце! (фр.). – Ред.)» (281, 162).

С братом будет делиться Достоевский тем экзистенциальным опытом, который получит в Омском остроге: «Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его» (281, 173).

В брате Михаиле Достоевский видел не только друга, но и делового партнера. Кооперация творческих усилий в целях достижения материальной обеспеченности привлекала Достоевского уже в 1840-е годы, когда он планировал совместные с братом переводы романа Э. Сю «Матильда» или издание сочинений Шиллера в переводе брата. «Судьба благословила меня идеею, предприятием, назови, как хочешь. Так как оно выгодно донельзя, то спешу тебе сделать предложение участвовать в трудах, риске и выгодах» (31 декабря 1843 г.; 281, 83).

Наиболее успешным литературным предприятием братьев стало издание журнала «Время» (1861-1863), инициатором и владельцем которого стал Михаил Михайлович, и если бы не его преждевременная смерть, то и возобновлённый в 1864 г. под названием «Эпоха» журнал уверенно продолжил бы своё существование. Во «Времени» Достоевский опубликовал окончание «Записок из Мёртвого дома» и роман «Униженные и оскорблённые», которые вернули его в ряды современной литературы и составили успех у нового поколения читателей. Задуманный Михаилом Михайловичем журнал стал своеобразной купелью зрелого Достоевского.

На страницах «Эпохи» были опубликованы «Записки из подполья», идейно-эстетическое новаторство которых стало возможным не в последнюю очередь благодаря и тому обстоятельству, что создавались они для своего журнала. И, конечно, читатели имели бы сегодня другой текст романа «Преступление и наказание», если бы он печатался под эгидой Михаила Михайловича. А навыки профессионального журналиста, полученные в работе над изданием журналов, пригодились Достоевскому спустя годы, когда он принялся за издание «Дневника писателя».

Не стоит забывать, что на страницах журнала Михаила Михайловича была оформлена концепция почвенничества, предложившего третий путь в обострившемся в те годы споре славянофилов и западников, концепция, которая и сегодня сохраняет свой идеологический потенциал. «Мысль его состояла в том, — писал Достоевский в некрологе, — что нужен свежий литературный орган, независимый от обязательных журнальных преданий, вполне самостоятельный, чуждый партий, чуждый застарелых, преемственных и почти бессознательных антипатий, не поклоняющийся авторитетам и совершенно беспристрастный. С другой стороны, необходимо обращение к народности, к началам народным и возбуждение оторвавшегося от почвы общества к изучению народа нашего и к уверованию в прав-

ду основных начал его жизни. Михаил Михайлович был убежден, что все неудачи русского общества, вся бесхарактерность некоторых слоев русской народности происходит именно от разлагающего, ленивого и апатичного нашего космополитизма, доведшего нашу разобщенность с почвой до равнодушия к ней, до смешного непонимания ее и даже — в иных индивидах — до какого-то как бы обязательного, почти хвастливого принципа не понимать и не признавать ее вовсе» (20, 121).

Смерть брата, пришедшаяся на один год со смертью первой жены, стала для Достоевского тяжёлым ударом: «И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно, — признавался он в письме Е. А. Врангелю 31 марта 1865 г. — Вся жизнь переломилась разом надвое. В одной половине, которую я перешел, было все, для чего я жил, а в другой, неизвестной еще половине, все чуждое, все новое и ни одного сердца, которое бы могло мне заменить тех обоих. Буквально — мне не для чего оставалось жить. Новые связи делать, новую жизнь выдумывать! Мне противна была даже и мысль об этом. Я тут в первый раз почувствовал, что их некем заменить, что я их только и любил на свете и что новой любви не только не наживёшь, да и не надо наживать. Стало все вокруг меня холодно и пустынно» (282, 116–117).

Семья брата, его вдова, Эмилия Фёдоровна, и дети — Фёдор (1842), Мария (1844), Михаил (1846), Екатерина (1853), Варвара (1855), стали для Достоевского предметом первостепенной заботы: «Я у них остался единой надеждой, и они все — и вдова, и дети сбились в кучу около меня, ожидая от меня спасения. Брата моего я любил бесконечно; мог ли я их оставить?» (282, 117).

Когда-то, в 1841 г., посылая брату, оказавшемуся накануне свадьбы без средств, 150 рублей, Достоевский писал: «Милый, милый мой! Если бы ты знал, как я счастлив, что могу хоть чем-нибудь помочь тебе! <...> Но боже мой. Как же несправедлив ты, мой милый бесценный друг, когда пишешь подобные слова – займы – заплачу. Не совестно ли, не грешно ли, и между братьями! Друг мой, друг мой, неужели ты не знаешь меня. Не этим могу я для тебя пожертвовать!» (281, 7879). Долги, оставшиеся по журналу, Достоевский добровольно принял на себя, принеся в жертву собственное благополучие, здоровье, нервы: «...я охотно бы пошёл опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным» (282, 119). И не была ли рулетка следствием финансового кризиса, вызванного прекращением «Эпохи» ввиду смерти Михаила Михайловича?

В 2014 году исполнилось 150 лет со дня смерти Михаила Михайловича Достоевского. В связи с этой датой Государственный литературный музей подготовил выставку «Брата моего я любил бесконечно...», открывшуюся 29 сентября в «Музее-квартире Ф. М. Достоевского», в доме, под крышей которого братья провели почти пятнадцать лет.

Это первая выставка, посвящённая личности и наследию М. М. Достоевского. Несмотря на небольшой объём (три витрины и развеска на двух стенах), она представляет интерес своим составом. Многие представленные на ней экспонаты ранее никогда не демонстрировались.

Настенной развеской экспозиционно акцентированы две темы: «М. М. Достоевский — адресат писем Ф. М. Достоевского» и «М. М. Достоевский — издатель журналов “Время” и “Эпоха”».

Первая тема представлена триптихом, центральная часть которого — муляж (с оригинала РГБ) письма Ф. М. Достоевского брату от 22 декабря 1849 г. из Петропавловской крепости (три листа).

Как известно, Достоевский после возвращения из каторги и ссылки снял копию с этого письма, которую хранил, вместе с несколькими другими реликвиями, в том самом Евангелии, которое подарили ему в 1850 г. в Тобольске жёны декабристов и с которым он никогда не расставался. Это письмо — своеобразная «дополнительная глава» Евангелия, написанная Жизнью и рабом Божиим Феодором.

Помимо всего привлекает в этом письме особая сердечная привязанность Достоевского к брату: «Я стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты.

Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; <...> я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый!» (281, 161). Трогательна его забота: «Я боюсь, что тебе как-нибудь был известен наш приговор (к смерти). Из окон кареты, когда везли на Семён<овский> плац, я видел бездну народа; может быть, весть уже прошла и до тебя, и ты страдал за меня. Теперь тебе будет легче за меня». (281, 162). Знаменательно восклицание «On voit le soleil!» (281, 162) — усечённая цитата из повести В. Гюго «Последний день приговорённого к смертной казни». Несомненно, её вспомнит Михаил Михайлович, когда десять лет спустя будет переводить повесть на русский язык (опубликовано в журнале «Светоч» (1860) — представлена на выставке).

Левая и правая части «триптиха» — оригиналы известных карандашных портретов М. М. Достоевского (1848–1849) и Ф. М. Достоевского (1847), выполненные художником К. А. Трутовским.

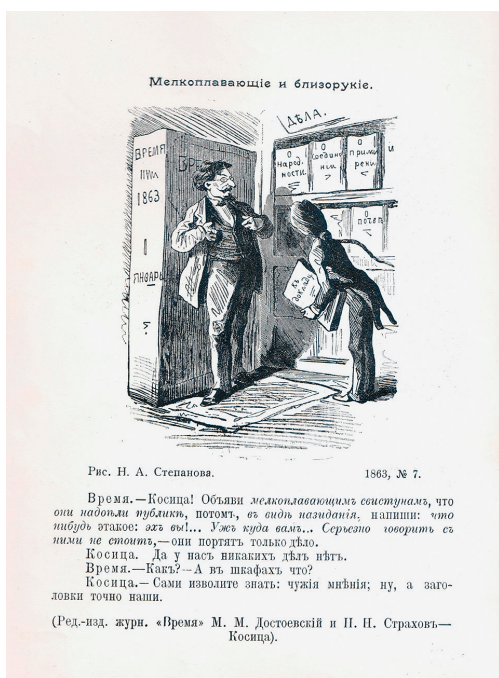
Тема «М. М. Достоевский — издатель журналов “Время” и “Эпоха”» также представлена настенным «триптихом» и дополнена витриной. В центре триптиха — фотокопии обложек журналов «Время» и «Эпоха» (в одной окантовке), слева — портрет Ф. М. Достоевского (Литография П. Ф. Бореля. 1862. По фотографии 1861 г.), справа — портрет М. М. Достоевского (С гравюры П. Ф. Бореля. По фотографии А. О. Баумана. 1862–1863. Выставлена впервые). В витрине — журналы «Время» (1862, Январь и 1863, Апрель)

и «Эпоха» (1864, Июнь, со статьёй-некрологом Ф. М. Достоевского «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском»). Апрельский выпуск журнала «Время» за 1863 г. раскрыт на статье Н. Н. Стрхова «Роковой вопрос», послужившей причиной закрытия журнала. Рядом — карикатура Н. А. Степанова «Мелкоплавающие и близорукие. М. М. Достоевский и Н. Н. Стрхов» (1863). В центре витрины — портреты М. М. Достоевского (фотографии А. О. Баумана. 1862–1863). В витрине также представлены книги В. С. Нечаевой, организатора и создателя «Музея Ф. М. Достоевского» в Москве, «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Время”. 1861–1863. (М.: Наука, 1972) и «Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских “Эпоха”. 1864–1865» (М.: Наука, 1975).

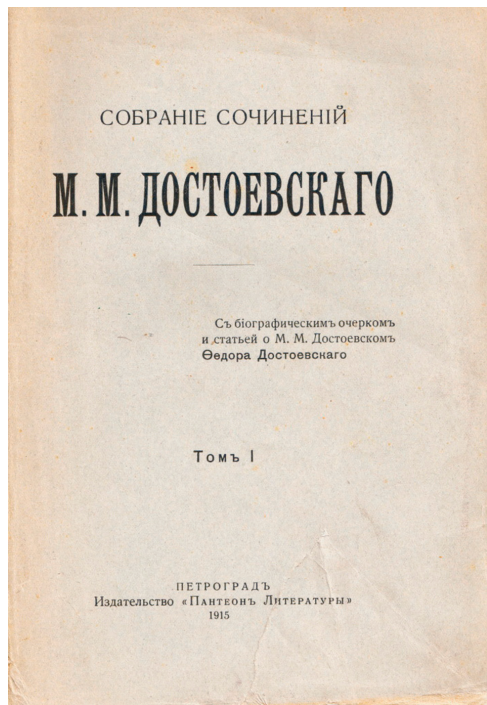
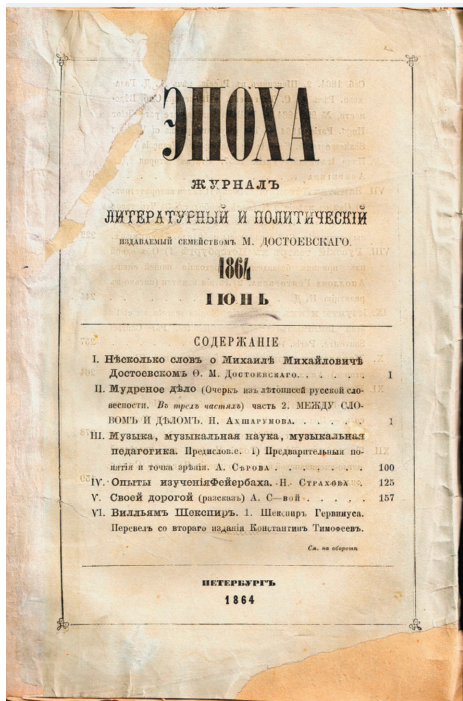

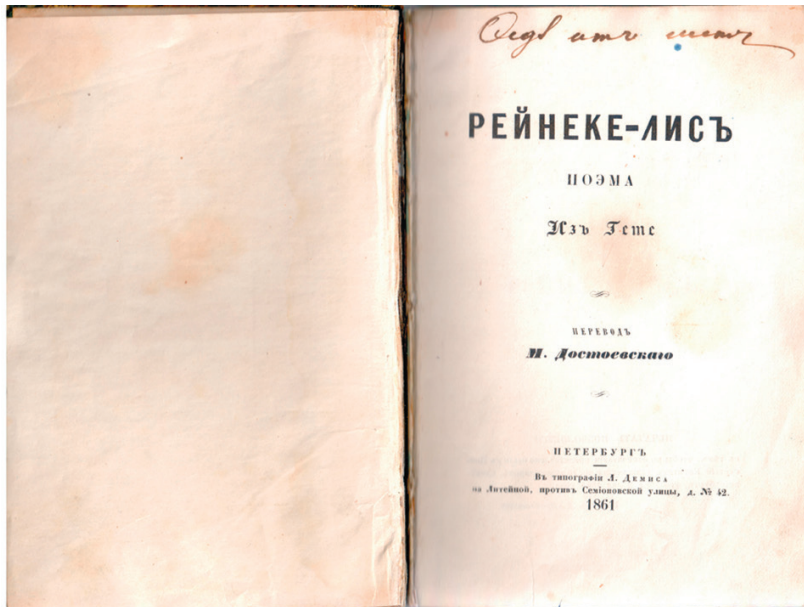
М. М. Достоевский

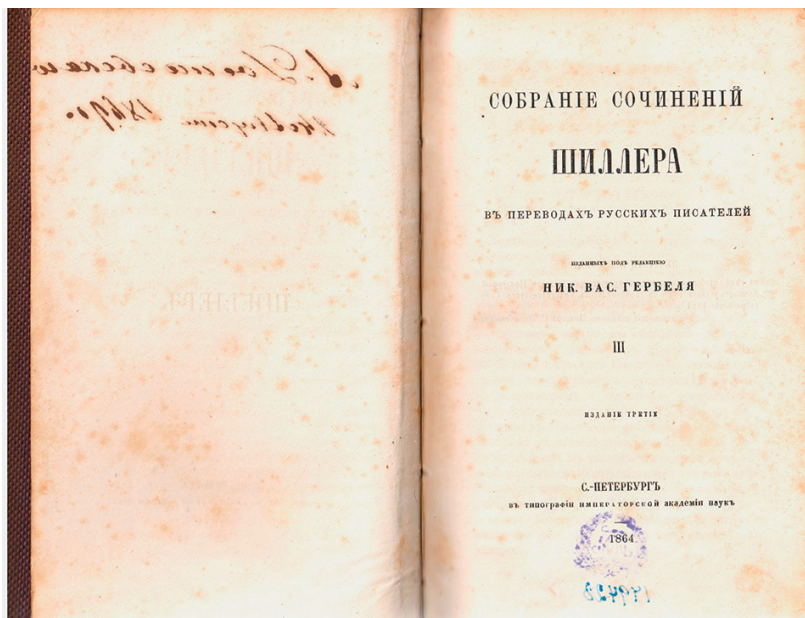
Карикатура Н. А. Степанова
«Мелкоплавающие и близорукие»

Ещё одна витрина представляет литературное наследие М. М. Достоевского. В ней представлены издания: «Отечественные записки» (СПб. 1848. Т. 50 — с переводом поэмы И. В. Гёте «Рейнеке-Лис»; в этом же номере опубликована повесть Ф. М. Достоевского «Слабое сердце»; СПб. 1848. Т. 56 — с повестью «Господин Светёлкин» (СПб., 1851. Т. 76. — с комедией «Старшая и меньшая»), «Светоч. Учено-литературный журнал, издаваемый Д. И. Калиновским» (СПб., 1860. Кн. 3 — с переводом повести В. Гюго «Последний день приговорённого к смерти»), Гёте И. В. «Рейнеке-Лис. Поэма из Гёте.

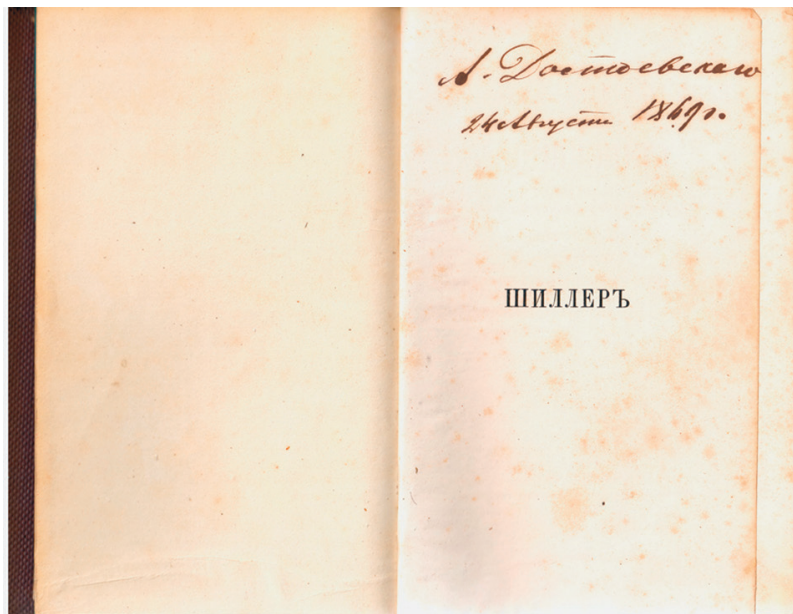

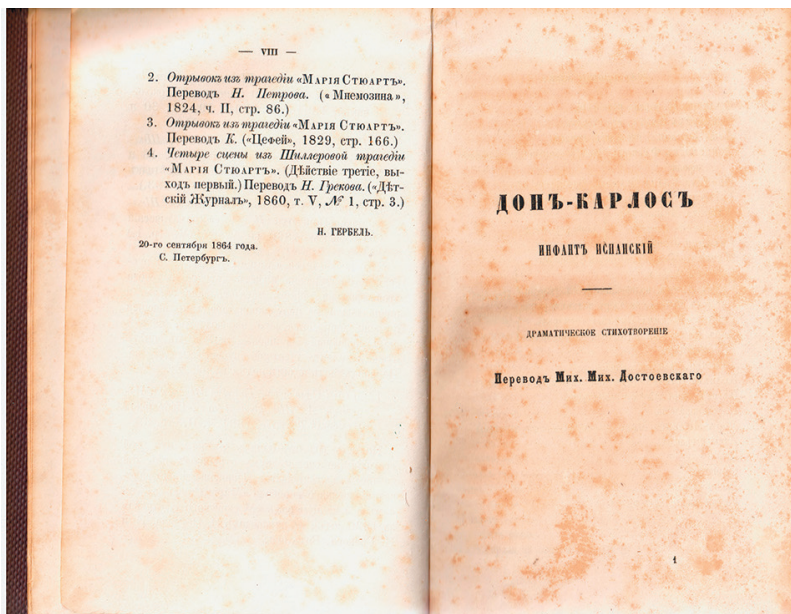
И. В. Гёте «Рейнеке-Лис. Поэма из Гёте. Перевод М. Достоевского»

Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» 1864 г.
Авантитул

Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» 1864 г.
Титул

Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» 1864 г.
Шмуцтитул

Перевод М. Достоевского» (СПб.: в тип. Л. Демиса, 1861. Из собрания «Музея Ф. М. Достоевского». На титульном листе дарственная надпись М. М. Достоевского сыну Федору: «Өедѣ отъ меня»), Ф. Шиллер «Собрание сочинений в переводах русских писателей» (под ред. Н. В. Гербея. Изд. 3. Т. 3. СПб.: в тип. Император. Академии Наук, 1864. На авантитуле владельческая надпись А. М. Достоевского), Достоевский М. М. Собрание сочинений» (в 2 т. Пг.: Пантеон литературы, 1915. Т. 12. Из собрания «Музея Ф. М. Достоевского»).

Книжные издания сопровождается иллюстративный материал того времени: Кракер «Портрет Фридриха Шиллера» (середина XIX в. Гравюра), К. Мейер «Иллюстрация к драме Ф. Шиллера “Дон Карлос”» (около 1855. Гравюра), Кракер «Портрет Иоганна Вольфганга фон Гёте» (середина XIX в. Гравюра), А. Шлейх по рисунку В. Каульбаха «Иллюстрация к поэме И. В. Гёте “Рейнеке-Лис”» (1846 (?) Гравюра).

В центре витрины — прежде не выставлявшийся портрет М. М. Достоевского конца 1850-х гг., фотография, пройденная акварелью:

М. М. Достоевский. Портрет конца 1850-х гг.

Третья витрина — своеобразный «семейный альбом» М. М. Достоевского. Прежде всего привлекает внимание цветная миниатюра на кости 1855 г., на которой Эмилия Фёдоровна Достоевская изображена в окружении всех своих детей, которых на тот момент в живых было шестеро.

М. М. Достоевский.
(Начало 1860-х гг.)

М. М. Достоевский-младший

Варвара и Екатерина Достоевские
с гувернанткой

Екатерина Михайловна
Достоевская

Варвара (Лелюша) Достоевская

Мария Михайловна Достоевская

*Федоръ Михайловичъ
Достоевскій,
племянникъ О. М. Достоевскаго.*

Ф. М. Достоевский-младший и его жена Валентина

В центре витрины — фотографии М. М. Достоевского (фотография. Начало 1860-х гг. СПб. Из собрания А. Г. Достоевской, № 3301а. Внизу на паспорту чернилами надпись А. Г. Достоевской: «М. М. Достоевскій») и Э. Ф. Достоевской (фотография Л. Ключера. 1879–1880. СПб. Из альбома А. Г. Достоевской). Персональными портретами представлены дети М. М. Достоевского: Михаил Михайлович-младший (фотография Грибоедова. II пол. 1870-х гг. СПб. Из альбома А. Г. Достоевской), Мария Михайловна (фотография ок. 1860 г. СПб.), Екатерина Михайловна (фотография Н. Абрагамсона. Конец 1860-х — начало 1870-х гг. СПб. Из альбома А. Г. Достоевской), Варвара (Лелюша) (фотография, пройдена акварелью и лаком. Ок. 1860 г. СПб.), Варвара и Екатерина с гувернанткой Маргаритой (фотография начала 1860-х гг. СПб.), Фёдор Михайлович-младший с женой (из собрания А. Г. Достоевской, № 3312. На паспорту внизу чернилами надпись А. Г. Достоевской: «Еодоръ Михайловичъ Достоевскій, племянникъ Э. М. Достоевскаго»). Здесь же портрет многолетнего друга братьев Достоевских с 1840-х гг., врача, мемуариста Степана Дмитриевича Яновского (1815–1897) с дарственной надписью на бланке внизу под изображением: «Емилиі Еодоровнѣ и Михаилу Михайловичу на память дружбы. 1861 годъ» (фотография С. Л. Левицкого. 1861 г. СПб.).

В этой же витрине представлен единственный, состоящий в фондах Государственного литературного музея, архивный документ, касающийся биографии М. М. Достоевского — «Патент на чин прапорщика...», выданный ему 26 ноября 1842 г.: Таким образом, благодаря выставке Государственного литературного музея «Брата моего я любил бесконечно» Михаил Михайлович Достоевский на несколько месяцев вернулся в родной дом, а мемориальная экспозиция «Музея-квартиры Ф. М. Достоевского» дополнилась новыми темами и образами.

ПРИМЕЧАНИЯ

* © П. Е. Фокин, 2014

¹ Цитаты из произведений Ф. М. Достоевского даются по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Л.: Наука, 1972–1991. В тексте после цитаты в скобках указаны номера тома и страниц.